

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION ADMINISTRATOR IN THE RUSSIAN LEGISLATION: ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

I. Glotov

Summary. The issues of the legal status of an arbitration administrator in modern conditions are very relevant, but insufficiently studied in the legal literature from the perspective of trends in the development of legislation on insolvency (bankruptcy). In conclusion, it can be noted that modern legal science focuses on traditional theories and approaches regarding the legal status of an arbitration administrator and is not focused on the need to develop fundamentally new directions that can significantly improve the effectiveness and quality of legal regulation of the status of an arbitration administrator. The directions proposed in the article — institutionalization of hybrid and dynamic statuses, digitalization of the legal institution and collective control mechanisms — represent an innovative approach to improving the legal status of an arbitration administrator. Their implementation will improve the efficiency and transparency of bankruptcy procedures, ensure a balance of interests of participants and strengthen trust in the institution. The integrated implementation of these innovative directions will create a modern, flexible and effective legal institution of the arbitration administrator. This, in turn, will improve the quality of law enforcement, strengthen trust in the institution and contribute to the development of a civilized insolvency market in Russia.

Keywords: bankruptcy, arbitration manager, institutional approach, responsibility of the arbitration manager, innovative directions.

Глотов Иван Дмитриевич

Аспирант, Международный институт
информатизации и государственного управления
им. П.А. Столыпина, Москва
glotov141@gmail.com

Аннотация. Вопросы правового статуса арбитражного управляющего в современных условиях являются в достаточной мере актуальными, однако при этом недостаточно исследованными в правовой литературе с позиции тенденций развития законодательства о несостоятельности (банкротстве). Современная юридическая наука сосредоточена на традиционных теориях и подходах в вопросах правового статуса арбитражного управляющего и не ориентирована на необходимость выработки принципиально новых направлений, способных существенно повысить эффективность и качество правового регулирования статуса арбитражного управляющего. Предложенные в статье направления — институционализация гибридного и динамического статусов, цифровизация правового института и коллективных механизмов контроля — представляют собой инновационный подход к совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего. Их реализация позволит повысить эффективность и прозрачность процедур банкротства, обеспечить баланс интересов участников и укрепить доверие к институту. Комплексное внедрение этих инновационных направлений позволит создать современный, гибкий и эффективный правовой институт арбитражного управляющего. Это, в свою очередь, повысит качество правоприменения, укрепит доверие к институту и будет способствовать развитию цивилизованного рынка правового обеспечения несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц в России.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, институциональный подход, ответственность арбитражного управляющего, инновационные направления.

Введение

Современная российская экономика характеризуется высокой степенью предпринимательской активности и, одновременно, значительными финансовыми рисками, что неизбежно приводит к возникновению процедур несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц. В этих условиях ключевую роль в обеспечении баланса интересов должника, кредиторов и государства играет арбитражный управляющий, назначаемый судом для ведения процедур банкротства и управления имуществом должника.

Правовой статус арбитражного управляющего в Российской Федерации регламентируется, прежде всего по-

ложениями Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [1], а также рядом подзаконных актов и профессиональных стандартов. Арбитражный управляющий выступает не только как посредник между должником и кредиторами, но и как самостоятельный субъект, наделённый значительными полномочиями и обязанностями, направленными на восстановление платежеспособности должника или максимально эффективное удовлетворение требований кредиторов. При этом его статус существенно отличается от положения иных участников процедуры несостоятельности (банкротства), включая руководителя хозяйствующего субъекта-должника, поскольку предполагает более высокий уровень ответственности, независимость и профессионализм.

В последние несколько лет вопросы совершенствования правового статуса арбитражных управляющих приобрели особую актуальность, что связано не только с ростом числа банкротств и изменением экономической конъюнктуры, но и развитием правоприменительной практики. Несмотря на детальную регламентацию правового статуса арбитражного управляющего в нормах российского законодательства, в научной среде сохраняются дискуссии о природе его полномочий [8], роли в правоприменительной практике [7] и необходимости совершенствования законодательства в части совершенствования правового статуса арбитражного управляющего [5, 6]. Кроме того, весьма актуальным является и вопрос дальнейшего развития законодательства в части возможности включения новых механизмов регулирования деятельности арбитражных управляющих с учётом современных реалий. Учитывая вышесказанное, особую актуальность приобретает выявление основных тенденций и перспектив развития законодательства в данной сфере.

Методология и методы исследования

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий догматический, сравнительно-правовой и эмпирический методы, что позволило провести многоаспектный анализ правового статуса арбитражного управляющего. Догматический метод позволил выявить пробелы и коллизии в законодательстве, регулирующем деятельность арбитражного управляющего, и систематизировать его права, обязанности и ограничения. Сравнительно-правовой метод позволил определить тенденции развития законодательства. Метод теоретического анализа был использован с целью формированию теоретической основы для критической оценки действующих правовых норм. Системный подход позволил рассмотреть арбитражного управляющего как элемент системы процедур банкротства, выявив его взаимодействие с другими участниками процесса.

Выбранная методология обеспечила достижение цели статьи — выявление проблем правового регулирования статуса арбитражного управляющего и формулирование предложений по его совершенствованию в контексте современных вызовов.

Результаты и обсуждение

Согласно ст. 20 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий — это физическое лицо, являющееся членом саморегулируемой организации (далее — СРО), назначаемое судом для проведения процедур банкротства. Его статус сочетает публично-правовые и частные элементы: с одной стороны, арбитражный управляющий действует под контролем суда, с другой — является независимым участником процесса.

Правовой статус арбитражного управляющего в российском законодательстве является предметом активного научного обсуждения и характеризуется сложностью и многогранностью. Так, Ю.С. Харитонов, акцентирует внимание на том, что арбитражный управляющий с одной стороны, выполняет функции управления на основании прямого указания закона, однако, с другой стороны, его деятельность носит самостоятельный характер и регулируется специальными нормами [11]. Н.А. Донцов, в свою очередь, указывает на то, что арбитражный управляющий выступает как уполномоченное лицо, гарантирующее законность исполнения процедуры банкротства, что подчёркивает его особую роль в правоприменении [6]. В то же время, в научной среде существует несколько подходов, раскрывающих правовой статус управляющего с различных юридико-правовых аспектов.

Так, достаточно популярным является подход, раскрывающий правовой статус арбитражного управляющего с позиции теории представительства. В рамках указанного подхода арбитражный управляющий рассматривается как представитель одной из сторон процедуры банкротства. При этом, относительно того, чьи именно интересы представляет арбитражный управляющий, мнения учёных расходятся: одни, например, А.В. Егоров, считают, что управляющий действует как представитель должника, поскольку распоряжается имуществом должника и действует от его имени [7, 8]. Другие, подчёркивают, что управляющий действует в интересах не только должника, но и кредиторов и общества в целом [10, 12].

Второй подход раскрывает правовой статус арбитражного управляющего с позиции теории доверительного управления. Теория доверительного управления предполагает, что между должником и арбитражным управляющим возникают отношения доверительного управления [10]. Однако данный подход видится весьма спорным, поскольку управление имуществом в процедуре несостоятельности (банкротства) подчинено иным правилам: целью управления является не извлечение дохода, а удовлетворение требований кредиторов. При этом правовое регулирование осуществляется на основе норм Закона о банкротстве, а не гражданского законодательства о доверительном управлении [5].

Третий подход к правовому статусу арбитражного управляющего осуществляется с позиции трудовой теории, согласно которой арбитражный управляющий рассматривается как единоличный исполнительный орган должника. Фактически арбитражный управляющий приравнен к руководителю хозяйствующего субъекта с соответствующими трудовыми правами и обязанностями [13]. С одной стороны, такой подход не лишен своего основания только потому, что в силу ст. 20.3 и ст. 183. 25 Закона о банкротстве арбитражный управляющий явля-

ется лицом, которое в рамках процедуры банкротства выполняет функции единоличного исполнительного органа должника, что наделяет его широкими полномочиями по управлению имуществом и ведению хозяйственной деятельности должника под контролем суда и в интересах кредиторов. С другой стороны, такой подход видится весьма ограниченным, поскольку арбитражный управляющий не заключает трудовой договор и на него не распространяются гарантии, содержащиеся в положениях трудового законодательства.

Еще один подход — публично-правовой, выделяет арбитражного управляющего как должностное лицо с публично-правовыми полномочиями [13]. Обусловлено это тем, что процедуры банкротства имеют публично-правовой характер, арбитражный же управляющий действует под контролем суда и выполняет функции, направленные на защиту публичных интересов.

Несмотря на то, что каждый из вышеперечисленных подходов не лишен своего основания, недостатки современных научных представлений о правовом статусе арбитражного управляющего связаны с отсутствием единого подхода к его определению и рядом спорных аспектов, которые не получили однозначного решения в науке и практике.

Как уже было отмечено ранее, в правовой литературе выделяются несколько основных теоретических подходов к пониманию статуса арбитражного управляющего, однако ни один из них не охватывает полностью всю специфику его деятельности и не устраняет противоречий. Отсюда возникает вопрос в части неоднозначности правовой природы арбитражного управляющего. Так, вопрос о том, является ли арбитражный управляющий субъектом публичных правоотношений или исключительно участником частных правоотношений, остаётся спорным. Это порождает сложности в определении его полномочий, ответственности и гарантий, а также влияет на организацию контроля и надзора за его деятельностью.

Кроме того, существуют вопросы, связанные с регулированием ответственности и независимости арбитражного управляющего. Современное законодательство содержит недостаточно чёткие критерии привлечения управляющего к ответственности, что приводит к рискам субъективных решений и снижению доверия к институту. Кроме того, вопросы обеспечения независимости управляющего остаются недостаточно урегулированными, что отражается на качестве его работы и восприятии его роли участниками процедуры банкротства. Однако в правовой теории данной проблематике уделяется сравнительно мало внимания.

В современном законодательстве ответственность арбитражного управляющего регулируется в первую

очередь ст. 20.4 Закона о банкротстве. В ней установлено, что управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, причинённые в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, при этом факт причинения убытков должен быть установлен вступившим в законную силу решением суда.

Однако законодательство содержит недостаточно четкие критерии привлечения управляющего к ответственности, что создает риски субъективных решений. Например, в статье 20.4 не конкретизированы понятия «ненадлежащее исполнение» и «неисполнение обязанностей», что затрудняет объективную оценку действий управляющего и может приводить к наличию различных подходов в судебной практике.

Кроме того, законодательство предусматривает разные виды ответственности: гражданско-правовую (возмещение убытков), административную (штрафы и дисквалификация), уголовную (в случае преступных действий), а также дисциплинарную ответственность, но чётких процедур и критериев для их применения зачастую недостаточно.

В частности, административная ответственность по ч. 3 ст. 14.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) [2] предусматривает штрафы до 50 тыс. рублей за первое нарушение и дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 3 лет за повторные нарушения, при этом дисквалификация влечёт исключение из СПО, что фактически лишает управляющего возможности работать в этой сфере.

Также в статье 20.4 Закона о банкротстве закреплена имущественная ответственность управляющего, включая обязанность возместить убытки, а также компенсировать расходы СПО в случае выплат из компенсационного фонда.

Таким образом, несмотря на наличие норм, регулирующих ответственность арбитражного управляющего, отсутствие конкретных и чётких критериев оценки его действий приводит к рискам субъективности и снижению доверия к институту.

Существуют проблемы с определением полномочий управляющего в различных этапах процедуры банкротства, а также с ограничениями по оплате услуг специалистов и неоднозначной судебной практикой по вопросам полномочий и ответственности управляющих.

Так, ст. 20.3 Закона о банкротстве закрепляет права и обязанности арбитражного управляющего, которые зависят от стадии процедуры банкротства (наблюдение, финансовое оздоровление, конкурсное производство,

внешнее управление). Управляющий обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние, составлять реестр требований кредиторов, созывать собрания кредиторов и др. При этом полномочия управляющего не могут быть переданы другим лицам (п. 5 ст. 20.3).

Закон допускает привлечение управляющим третьих лиц (экспертов, оценщиков, юристов) на договорной основе с оплатой из средств должника (ст. 20.3 п.1), однако судебная практика и комментарии экспертов отмечают, что расходы должны быть обоснованными и согласованными с кредиторами, что иногда вызывает споры и задержки в оплате. Положения ст. 20.4 Закона о банкротстве устанавливает ответственность управляющего за ненадлежащее исполнение обязанностей, что также влияет на степень его полномочий и осторожность в принятии решений.

Таким образом, законодательство определяет широкий круг полномочий арбитражного управляющего, однако их конкретизация и практика применения вызывают сложности. Неоднозначность судебной практики по вопросам полномочий и ответственности управляющих подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы для повышения прозрачности и эффективности процедур банкротства. Ниже приведены конкретные примеры судебных решений, иллюстрирующие проблемы с определением полномочий арбитражного управляющего, ограничениями по оплате услуг специалистов и неоднозначной судебной практикой по вопросам полномочий и ответственности управляющих.

В Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 11 октября 2023 г. описан случай, когда апелляционный суд отказал в утверждении управляющего из-за сомнений в его независимости [3]. Управляющий одновременно исполнял обязанности внешнего управляющего компании — кредитора должника, что создавало конфликт интересов и ставило под сомнение сбалансированность управления процедурой банкротства. Данный пример показывает, что полномочия арбитражного управляющего тесно связаны с требованием независимости, а нарушение этого принципа влечет отказ в утверждении и прекращение полномочий.

В другом деле арбитражный суд признал, что полномочия управляющего по распоряжению имуществом должника не ограничены уставными требованиями организации. Таким образом, суд определил факт того, что полномочия арбитражного управляющего по распоряжению имуществом не имеют ограничений [4]. В анализируемом деле арбитражный управляющий совершил сделку по отчуждению имущества на сумму, превышающую лимит, установленный уставом (50 млн рублей при

лимите 10 млн), однако суд подтвердил право арбитражного управляющего действовать самостоятельно в рамках процедуры банкротства без согласования с советом директоров. Это свидетельствует о том, что полномочия арбитражного управляющего в части управления имуществом значительно шире, чем полномочия руководителя должника вне процедуры банкротства.

Также в правовой литературе не находит отражение проблема недостаточного участия суда в назначении арбитражного управляющего. В национальном законодательстве роль арбитражного суда при назначении управляющего ограничена, что не соответствует международной практике, где суд играет более активную роль. Это снижает эффективность контроля и баланс интересов сторон процедуры банкротства.

Это отражено в следующих положениях Закона о банкротстве и судебной практике. Ограниченная роль суда в выборе кандидатуры управляющего прослеживается через ст. 45 Закона о банкротстве, согласно которой суд утверждает кандидатуру арбитражного управляющего, предложенную СРО или собранием кредиторов. Суд не имеет права самостоятельно выбирать управляющего из списка СРО, а лишь проверяет соответствие кандидата формальным требованиям (наличие членства в СРО, отсутствие дисквалификации). Так, например, если кредиторы предлагают кандидата, суд обязан его утвердить, если нет нарушений закона (п. 3 ст. 45). Это исключает возможность суда оценивать профессионализм или независимость управляющего по существу.

Вызывает вопросы и пассивная позиция суда в конфликте интересов. Так, согласно ст. 20.2 Закона о банкротстве требуется, чтобы арбитражный управляющий был независим от должника и кредиторов. Однако суд не обязан проводить глубокий анализ потенциальных конфликтов интересов. В международной практике суд активно участвует в выборе арбитражного управляющего. Так, в Германии суд назначает арбитражного управляющего из официального списка, учитывая его специализацию и опыт. Во Франции кандидатура управляющего согласовывается с судом, который оценивает его независимость и компетенцию. В США арбитражный управляющий (trustee) назначается судом из федерального реестра, что исключает влияние заинтересованных лиц.

Достаточно ограниченным видится и современный научный подход в части неполного отражения многоаспектности деятельности арбитражного управляющего. Неполное отражение многоаспектности деятельности арбитражного управляющего связано с тем, что в некоторых подходах его права рассматриваются либо как ограниченные вещные права, либо исключительно как представительские функции должника, что не учитывает весь комплекс его ролей — управляющего имуществом,

представителя интересов различных сторон и субъекта как публичных, так и частных правоотношений одновременно.

Вместе с тем, положения законодательства отражают многоаспектность статуса арбитражного управляющего. Так, ст. 20.3 Закона о банкротстве подробно перечисляет права и обязанности арбитражного управляющего, которые выходят за рамки простого представительства должника. Арбитражный управляющий обязан не только сохранять имущество должника, но и вести реестр требований кредиторов, организовывать собрания кредиторов, оспаривать сделки, выявлять признаки фиктивного банкротства и действовать в интересах всех участников процедуры — должника, кредиторов и общества в целом.

Кроме того, арбитражный управляющий обладает правом запрашивать сведения у государственных органов и организаций, привлекать третьих лиц (экспертов, специалистов) для выполнения своих функций, а также подавать ходатайства и заявления в суд, что свидетельствует о его самостоятельном процессуальном статусе и публично-правовых полномочиях.

Таким образом, основные недостатки современных научных представлений заключаются в фрагментарности подходов, отсутствии единого комплексного понимания правового статуса арбитражного управляющего, а также в недостаточной нормативной регламентации, что затрудняет эффективное функционирование института в условиях современной процедуры банкротства.

Вместе с тем, необходим принципиально новый подход к совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего, который ещё не представлен в современной юридической литературе. В частности, видится возможным институализация гибридного правового статуса арбитражного управляющего. Как уже было отмечено ранее, традиционно в науке рассматриваются либо публично-правовые, либо частноправовые аспекты статуса управляющего, что создаёт противоречия и неопределённости. Однако никто не задавался вопросом разработки концепции гибридного правового статуса, который формально закрепляет двойственную природу управляющего как одновременно публичного должностного лица и профессионала в частной практике. Такой статус предполагает создание отдельного правового института с уникальным набором прав, обязанностей и гарантий, адаптированным под специфику банкротства. Указанный статус должен быть отражён в отдельном разделе законодательства о банкротстве с чётким разграничением прав, обязанностей и гарантий, адаптированных к различным функциям управляющего. Вышесказанное позволит устранить текущие противоречия и повысить правовую определённость.

Также достаточно актуальным видится введение механизма «динамического статуса» арбитражного управляющего. В зависимости от стадии процедуры банкротства и характера конкретных полномочий, статус управляющего может меняться. Например, на стадии наблюдения он действует как представитель должника, на стадии конкурсного производства — как представитель кредиторов, а в иных случаях — как публичное должностное лицо. В литературе отсутствует четкое закрепление такого динамического, многоуровневого статуса. Если говорить про нормы законодательства, то можно предложить законодательное введение механизма, предусматривающего смену правового статуса арбитражного управляющего в ходе процедуры банкротства с четким определением объема полномочий, ответственности и гарантий на каждом этапе. Это повысит прозрачность деятельности управляющего, позволит более точно регулировать его права и обязанности и снизит риски конфликтов интересов.

Отдельные моменты касаются и правового статуса арбитражного управляющего в современных условиях, характеризующихся цифровизацией общественных процессов. Современные технологии, включая блокчейн, искусственный интеллект и цифровые реестры, трансформируют процедуры банкротства. В научной литературе пока недостаточно исследованы правовые последствия цифровизации для статуса управляющего. Новым направлением может стать разработка правового института «цифрового арбитражного управляющего», включающего нормы об ответственности за использование цифровых инструментов, защите данных и этике в цифровой среде.

Также интересным видится введение механизмов коллективной ответственности и солидарного контроля. Вместо традиционного индивидуального подхода к ответственности управляющего можно предложить институт коллективной ответственности, когда группа управляющих или СРО несут совместную ответственность за качество процедур банкротства. Это позволит повысить уровень контроля, снизить риски злоупотреблений и стимулировать сотрудничество и обмен опытом между управляющими. Коллективный контроль может реализовываться через создание специализированных комитетов в СРО, ответственных за мониторинг и оценку деятельности членов, а также через солидарную ответственность за ущерб, причинённый участникам процедуры.

Заключение

В заключение можно отметить, что современная юридическая наука сосредоточена на традиционных теориях и подходах в вопросах правового статуса арбитражного управляющего и не ориентирована на необ-

ходимость выработки принципиально новых направлений, способных существенно повысить эффективность и качество правового регулирования статуса арбитражного управляющего. Предложенные в статье направления — институализация гибридного и динамического статусов, цифровизация правового института и коллективные механизмы контроля — представляют собой инновационный подход к совершенствованию право-

вого статуса арбитражного управляющего. Их реализация позволит повысить эффективность и прозрачность процедур банкротства, обеспечить баланс интересов участников и укрепить доверие к институту. Для этого необходим комплексный законодательный и методологический подход, учитывающий современные вызовы и тенденции развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1)
3. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11 октября 2023 г. М., 2023. 32 с.
4. Обзор практики применения арбитражными судами положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: утв. Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ 22 июня 2012 г. № 35. М., 2012. 45 с.
5. Витрянский В.В. Банкротство: научно-практический комментарий. М.: Юрист, 2010. 512 с.
6. Донцов Н.А. Правовой статус арбитражных управляющих // Вестник науки. 2023. №9 (66). С. 170–177
7. Егоров А.В. «Арбитражные управляющие: правовая природа, статус, вознаграждение за труд» // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507). С. 55–74.
8. Егоров А.В. «Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов» // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 1. С. 114–139.
9. Емельянова А.А., Ершов В.В. Правовое положение арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. №1. С. 42–48.
10. Жогина Л.А., Кофанова В.П. Правовой статус арбитражного управляющего // Актуальные вопросы современной науки и технологий. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2023. С. 45–50.
11. Харитонов Ю.С. Правовой статус арбитражного управляющего // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №2. С. 153–154
12. Житникова А.Н. Правовой статус арбитражного управляющего // Научный журнал НОВАУМ. 2023. URL: <http://novaum.ru/public/p2762> (дата обращения: 13.06.2025).
13. Мартышева Ю.В. Подходы к определению правового статуса арбитражного управляющего // Научный лидер. 2022. №35 (80). URL: <https://scilead.ru/article/2904-podkhodi-k-opredeleniyu-pravovogo-statusa-arb> (дата обращения: 13.06.2025)

© Глотов Иван Дмитриевич (glotov141@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»